

Москва в мае. Солнце садится за купола Храма Христа Спасителя, погружая город и реку в латунный свет. В центре полно народу на улицах и они не спешат с отрешенными лицами, а наоборот – сидят в парках, фланируют по бульварам, стоят, прислонившись к парапетам мостов. Большинство из них молоды или по меньшей мере стремятся выглядеть молодыми, женщины в летних платьях, многие в причудливом богемном прикиде, все смеются, а где-то на Новокузнецкой даже поют. Кажется открылись все возможные уличные кафе и на их террасах уселись представители так называемого креативного класса и потягивают шардонне...

Трудно поверить, что это тот же самый город, который еще четыре недели назад лежал по колено в снегу, и даже в субботний день возникало ощущение, что ты на пару с другими залетными иностранцами вообще один в городе. Москва в мае – это пульсирующий мегаполис с урбанистичной, самодостаточной и какой-то особенно космополитической публикой.

Поэтому не удивительно, что по некоторым данным около шестидесяти миллионов русских стремятся в этот город и мечтали бы жить здесь. Город действительно трещит по швам. Строятся десятки километров улиц и новые линии метро, Москва расширяется в пригород в юго-западном направлении, чтобы дать место миллионам людей и большим ведомствам. Если принять во внимание, что Москва уже сейчас самый большой город Европы – и в сущности единственный так называемый мегасити, то может сложиться впечатление, что будущее этого города выглядит необычайно радужно: юная, живая, растущая метрополия на восточном краю Старого континента, на стыке между Востоком и Западом.

Но в Москве не всегда царит весна, и можно нарисовать себе и другую картину. Согласно этой картине, например, совершенно неизвестно, сколько на самом деле людей живет в самом большом городе Европы. По данным последней переписи населения, должно быть 10,5 млн человек, а независимые демографы исходят из гораздо более высокой цифры населения. Только Москва приняла в последние десять лет около восьми миллионов мигрантов, из которых большая часть прибыла в город нелегально. Сложная система прописки служит известным препятствием не только вновь прибывшим, которые хотят переехать или поселиться в городе, но и большинству людей из бывших советских республик, имеющих другую национальность, даже если они уже долго живут в городе.

Таким образом, неофициальное число нелегальных иммигрантов гигантское и почти вдвое увеличивает население Москвы по сравнению с данными официальной статистики. Нелегальная иммиграция, согласно демографическим исследованиям, может являться причиной того, что Москва на самом деле не такая «русская», как показывают данные переписи населения или чем бросается в глаза в городской среде. Евгений Сигал в своем исследовании «Московское гетто», вышедшем в 2007 г., исходит из того, что только 31 процент москвичей – действительно русские, в то время как по оценкам на 2002 г. это 85 процентов. Директор демографического института в Москве, Игорь Белобородов, считает, что из-за привлекательности Москвы для рабочей силы из сравнительно бедных регионов Кавказа и Средней Азии, в ближайшее время этнический состав города будет радикально меняться. По мнению Белобородова, почти четверть населения России (и еще больший процент в Москве) является мусульманами, против официальных 14 процентов. Эта тенденция скорее всего будет развиваться, так как мусульманские регионы будут все более отставать в экономическом развитии, а показатели рождаемости в них высокие.

Согласно исследованиям «Фонда общественного мнения» 37 процентов населения Москвы считают ислам наименее привлекательной религией. В то время как 67 процентов опрошенных определяют себя как терпимых к иностранцам, 63 процента признаются, что поддержали бы ограничение на въезд в страну для представителей определенных национальностей. К тому же надо считаться и со стремительным ростом иммиграции из Китая, которая будет давить на Москву со стороны сибирской части России. По демографическим данным, к 2080 г. население России может почти на 70 процентов состоять из иммигрантов и их детей. Москва, разумеется, в этих обстоятельствах стала бы совсем другим городом, нежели нынешняя российская столица.

Поэтому грустно, но не удивительно, что ксенофобия год от года растет, достигая все более драматичных показателей, как например в декабре 2010, когда полиции едва удалось усмирить драку между молодыми русскими и такими же молодыми представителями кавказского меньшинства. Так называемые гражданские инициативы скорее экстремального толка требуют мер по переселению иностранцев неевропейского происхождения из центра города, якобы для их же собственной безопасности.

Ксенофобия как следствие отчуждения национальностей – не редкость, особенно в периоды экономической и социальной нестабильности. Кто внимательно наблюдал предвыборную борьбу последних месяцев во Франции, мог убедиться в том, что верхушка политической элиты так называемой Grand Nation не гнушается играть на клавишах ксенофобии, чтобы заручиться голосами фрустрированных французов, которые списывают вину за собственную ничтожность на иммигрантов из Африки и стран Магриба, которые не хотят интегрироваться в их общество. После всплеск насилия в Англии, Голландии и Германии, многие ведущие политики недавно объявили о провале концепции мультикультуры.

Действительно, кажется, что существовавшие до сих пор со времен холодной войны, открытия границ и начала глобализации концепции интеграции иностранцев в Европе больше не работают. Нелегальная иммиграция является проблемой и в Западной Европе. Однако если в большинстве стран можно рассчитывать, что еще не поздно, применив некоторые прагматичные меры по интенсивной интеграции мигрантов, удержать ситуацию под контролем, приходится сомневаться, относится ли это к России. Великобритания, например, всерьез обсуждает амнистию для всех нелегальных иммигрантов. Экономисты подсчитывают, что это даже приведет к доходу бюджета, если, иммигранты станут платить налоги. Напротив, выдворение нелегальных иммигрантов, согласно расчетам, займет двадцать лет и будет стоить почти 12 миллиардов фунтов стерлингов. Большая разница: Великобритания оценивает число нелегальных иммигрантов в 570 000 человек, а в России их несколько миллионов.

Вероятно, еще большую проблему представляет для России и ее столицы не (нелегальная) иммиграция чужих, а отток собственно русского населения. Даже если правительство ставит себе целью увеличить число жителей к 2025 г. с 142 миллионов до 145 миллионов, возникает вопрос, а сколько из них будут русскими? Показатели рождаемости самые низкие, число аборт – самое высокое в мире. Эти цифры заставляют предполагать, что многие русские, и прежде всего русские женщины, не слишком уверенно смотрят в свое будущее. Большое число людей покинуло страну. Только в последние двадцать лет в США, Израиль и Германию эмигрировали около 80 000 ученых.

Так что вопрос состоит не только в том, как интегрировать иностранцев, но и в том, как дать собственным гражданам больше уверенности в собственной нации. В эти дни страна празднует великую победу над фашистской Германией. Разумеется, в этом всегда есть толика сентиментальной тоски о былом величии. Но Москва 2012 г. – часть нового мира, который стал комплекснее и сложнее.

Другие нации показали, что способны решать проблемы с миграцией, если они отличаются здоровым отношением к самим себе. Страны социально стабильные и более сплоченные могут найти место и для других людей, которые хотят к ним присоединиться. В эти майские дни я спрашиваю себя, способна ли завтрашняя Россия найти в себе силы стать такой общностью.

Михаэль Шиндхельм